

УДК [316.61+130.2]:37.01

В. И. Миськевич

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ *

В статье рассмотрены актуальные проблемы современной культуры и социоантропологии. Объектом анализа является *humanitas* в контексте современных процессов антропологического, социального, технологического и ментально-духовного цвишенизма (от нем. *Zwischen* – между). Цель исследования состоит в экспликации и обосновании значения гуманитарной культуры и гуманитарного образования в качестве констант сбережения и развития человеческой природы. Научная новизна работы заключена во введении в научный оборот концепта «объективированные модусы гуманитарной культуры», в классификации и интерпретации указанных модусов. Во введении аргументирована актуальность сформулированной темы исследования, артикулирован содержательный смысл базовых категорий проблематики статьи. В основной части работы рассмотрены объективированные модусы гуманитарной культуры, их историческая динамика, социокультурный статус и функции. Проанализированы причины кризиса гуманистического мировоззрения, гуманитаристики и гуманитарного образования в ситуации современных социотехнокультурных вызовов и дигитального футурошока. Обоснована важность осознанного выбора гуманистических перспектив социоантропологии. В заключении изложены основные выводы исследования. Полученные теоретические результаты позволяют рельефнее эксплицировать проблематику теоретического дискурса, привлечь внимание исследователей к проблемам социогуманитарного познания и образования. Основные выводы и положения исследования могут быть использованы при подготовке научных публикаций, разработке курсов и спецкурсов по социальной философии, философской антропологии, философии культуры и образования.

Ключевые слова: гуманитарные науки, «человеческое в человеке», гуманитарная культура, гуманитарное образование, футурология, цифровой футурошок.

Введение. В контексте вызовов современной эпохи проблемы социума и личности приобретают особую актуальность. На традиционные общественные противоречия и конфликты (резко обострившиеся в последнее время) накладывается (наслаивается, набегает) вал инноваций, порождаемых NBICS-технологиями и химией. Новая техносциокультурновиртуальная реальность уже не подспудно, как в прошлом («крот истории делает свою работу тихо» – Г. В. Ф. Гегель), а грубо и зримо утверждает себя на глазах буквально одного-двух поколений. Нынешняя «эпоха перемен» не только влечет кардинальные изменения в «базисе и надстройке», но и чревата фундаментальной трансформацией *Ното* как вида и особи (индивида). Помня, что вначале было Слово (Логос), важно ухватить и уяснить смысл происходящих перемен, выразить их в понятийной и/или (если речь идет об искусстве) образной форме. В том числе и в виде антиутопий. Для философии в этом смысле фундаментальное значение имеет рефлексия над базисными универсалиями культуры. Академик В. С. Стёпин, размышляя над причинами кризисных явлений современности, в качестве одной из причин называл непроясненность базовых мировоззренческих категорий, т.е. социетальных, ментальных и ценностно-смысловых универсалий современной культуры [1, с. 486–490]. К их числу относятся понятия «гуманитарная культура» и «гуманитарное образование». Предварительным условием теоретического дискурса полагаем установление логико-семантического значения исходных понятий темы исследования. Так, в различных русскоязычных энциклопедических изданиях термин «гуманитарный» (франц. *humanitaire*, от лат. *humanitas* – человеческая природа, образованность) определяется, по сути, одинаково, как: а) относящийся к общественным наукам, изучающим человека и его культуру; б) человеколюбивый, благотворительный.

Миськевич Владимир Иосифович, канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии БГУИР (Беларусь).

Адрес для корреспонденции: ул. П. Бровки, 6, 220013, г. Минск, Беларусь; e-mail: uladzimir81@gmail.com

А однокоренной с ним термин «гуманный» (от лат. *humanus* – человеческий) толкуется как проникнутый любовью к человеку, человечный, направленный на благо других (например, гуманные цели, гуманное отношение). В зависимости от контекста эти термины могут использоваться и как синонимы. Однако с точки зрения логики понятие «гуманитарный» шире по объему и нетождественно по содержанию понятию «гуманный». Это, к примеру, хорошо видно при соотнесении понятий «милосердие» и «справедливость». Гуманитарное право, будучи в своей основе гуманным, предполагает установленную законом ответственность, но отнюдь не всепрощение. Однако изначально (в эпоху Возрождения) все было наоборот. Гуманизм как идеология (греч. *ιδεολογία*, от *ιδέα* «прообраз, идея» + *λόγος* «слово, смысл, разум, учение») стал мировоззренческой основой бытийственного самоутверждения человека. А основанные на ней гуманитарные науки (философия и филология) и гуманитарное образование были призваны содействовать этому устремлению, рассматривались как необходимый инструмент развития человеческого потенциала. Затем логический объем термина «гуманитарный» расширился и стал именем для обозначения и специфического кластера культуры. Сегодня слово «гуманный» используется главным образом в значении «человечный, человеколюбивый». Наконец, термином «гуманистика» обозначается совокупность наук, занимающихся культурой, литературой, языком, искусством, историей и т.п. И в этом смысле он является синонимичным понятию «гуманитарные науки». Однако объем данного понятия шире, ибо включает в себя не только гуманитарные науки, но и основанные на них гуманитарные технологии и практики, например, обучения и воспитания, медитации, физического совершенствования, духовного развития человека и т.д.

Основная часть

Культура и гуманитарная культура. Определение и уяснение сути понятия «культура» – задача не из простых. Этимология слова указывает «направления пути» и не более. В европейской истории содержание данного термина постоянно изменялось и обогащалось все новыми коннотациями и значениями. В работах современных культурологов и исследователей из специальных областей знаний приводятся сотни ее различных дефиниций. Ограничимся двумя. «Культура... дело рук человека – в ней он ищет свое отражение, в ней узнает себя, только в этом критическом зеркале он и может увидеть свое лицо» (Ж.-П. Сартр). «Культура – это итог достижений отдельных лиц и всего человечества во всех областях и по всем аспектам в той мере, в какой эти достижения способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу» (А. Швейцер). Из этих двух взаимоперекликающихся определений мы и будем исходить.

Культура – это способ бытия человечества как рода и индивида как личности. Или, слегка перефразируя М. Хайдеггера, культура – это дом бытия человека. Это бытие предполагает активное, творчески-преобразующее отношение к природе посредством актуализации всего спектра «сущностных сил» (К. Маркс) человека, включая использование синергичного потенциала общества и государства как самоорганизующихся систем, создание «второй природы», и, *last but not least*, конструирование (как осознанно, целерационально, так и спонтанно-бессознательно) информационно-знакового и ценностно-смыслового континуума. Этот континуум (архетипы, социально-психологические феномены мира повседневности, языковая картина мира, формы общественного сознания, мировоззрение) объемлет, как небосвод, все сущее. В нем, как в зеркале, «отражается» материально-практический и социокультурный опыт бытия общества данной эпохи. Там же содержится самый широкий и разнообразный спектр программ его жизнедеятельности. Реализуя их посредством всевозможных практик, человек самоутверждается в своей родовой сущности, преобразует мир и преобразует себя. Стало быть, вся творимая социальным субъектом культура (его «дом бытия») исходит от человека (созидается им) и в той или иной форме к нему же возвращается. И в этом плане для гипотетического инопланетянина все формы культуры и способы ее опредмечивания/распредмечивания *Homo sapiens* гуманитарные, т.е. вытекают из *humanitas*, человеческой природы.

Тем не менее факт выделения гуманитарной культуры в отдельный культурный кластер является эмпирической данностью и так или иначе всегда артикулировался в истории.

Однако что касается теоретического осмысления самого понятия «гуманитарная культура», то оно стало предметом сосредоточенной рефлексии сравнительно недавно – лишь во второй половине XX в. Начало данного процесса чаще всего связывают с работами Ч. Сноу («Две культуры») и А. Моля («Социодинамика культуры»). Названные авторы, кажется, первыми поставили ряд вопросов о специфике гуманитарной культуры, ее месте и статусе в общекультурном пространстве, взаимоотношениях с другими формами культуры, ее роли в воспитании и образовании человека, а также углубляющейся пропасти между гуманитарной и естественнонаучной интеллигенцией. В настоящее время научные дискуссии продолжаются и все чаще носят междисциплинарный характер.

В терминах логического анализа понятие «гуманитарная культура» с точки зрения его объема и содержания относится как видовое к более общему по отношению к нему родовому понятию «культура». Кладем критерий «гуманитарная культура» в основание дихотомического деления понятия «культура». Получается круг Эйлера, деленный пополам. Дополнением к классу (родовому понятию) «культура» будет понятие «негуманитарная культура». Однако содержание данного понятия несколько двусмысленно. В справочных изданиях этого термина нет. Тем не менее логика анализа требует движения вперед. Содержание понятия «негуманитарная культура» может быть раскрыто посредством указания на специфицирующие его признаки. Таковыми, на наш взгляд, являются его: а) когнитивные и инструментально-функциональные характеристики (аксиологический момент в этом содержании представляется, как говорят юристы, ничтожным) и б) объектность, т.е. направленность на предметный мир вне человека. Формально этим критериям удовлетворяют: 1) рационально-логическая; 2) научно-теоретическая; 3) математическая; 4) техносциентистская и 5) отчасти профессиональная культура. Взятые вместе, они составляют объем понятия «негуманитарная культура». Впрочем, данное деление не строгое, виды не исключают друг друга. Но здесь важен принцип, подход. Специфицируют эти формы негуманитарной культуры, повторимся, такие маркеры, как абстрагирование от аксиологических и чувственно-эмоциональных компонентов и центрация на объекте как таковом. С этой точки зрения, названные формы «негуманитарной культуры» в некоторой степени удовлетворяют сформулированным критериям. Однако, вдумавшись, понимаем, что моменты дистинкций не следует абсолютизировать. Возьмем, к примеру, классическое естествознание с его пафосом объективной истины, элиминацией всякой субъективности в исследовании и представлении результатов. Но с течением времени эти идеалы и нормы научного познания претерпели изменения. Уже к середине XIX в. выявилась ограниченность подобной гносеологической установки. Одним из первых на магистральный путь развития науки в будущем указал К. Маркс. Известны его слова о том, что впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание – это будет одна наука. Данное предположение, сделанное им более 150 лет назад, вполне соответствует современной динамике развития научного познания. Постнеклассическая наука (по терминологии В. С. Стёпина) все чаще начинает включать в стратегию исследования и аксиологическое измерение. Экологическая культура, биоэтика, этика благоговения перед жизнью, инженерная этика, промышленный и бытовой дизайн, гуманитарная экспертиза, научный этос. Сегодня эти термины прочно вошли в тезаурус научного познания и инженерной деятельности. Более того, фундаментальные научные исследования, связанные с поиском внеземной жизни и внеземного разума, должны, по мысли С. Хокинга, исходить из презумпции возможной агрессивности по отношению к землянам гипотетических «братьев по разуму». На горизонте научного поиска – различные варианты «совершенствования» тела и мозга человека, пополнение нашей ниши обитания антропоморфными роботами, биоклонами и прочими «человеками+». В этой связи естественным образом возникает ряд непростых философских, религиозных, этических и правовых вопросов, на которые так или иначе должны отвечать и сами творцы «дивного нового мира».

И еще один важный момент. Любое содержание существует не иначе, как через форму, оказывающую на него обратное воздействие. Самые разнообразные практики, посредством которых человек утверждается в мире, имеют человеческую форму реализации, сопряжены

с его неэллиминируемой телесностью и субъективностью. Поэтому любая культура является гуманитарной, ибо своими истоками восходит к человеческой натуре, *humanitas*, и в виде тех или иных «плодов» к нему же возвращается. И даже нечто греховное, «антикультурное» в ней может быть человеку на пользу. «Сказываю вам, что так на небесах больше радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:1–7). Каким образом подобное преобразование может случиться с человеком многократно описано в литературе, в частности в повести Л. Н. Толстого «Фальшивый купон».

О собственно гуманитарной культуре можно говорить в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле гуманитарная культура – это, как указывалось выше, синоним слова «культура». Ибо нечеловеческая культура нам неведома (хотя, возможно, искусственный интеллект в его сильной версии нечто невообразимое человеческому уму в нечеловеческой форме некогда и сотворит). В узком же смысле гуманитарная культура – это культура, обращенная к человеку, центрированная на культивировании «человеческого в человеке» и «антропоморфизации» его жизненного пространства. Или более философично: человек – это «пересечение всех кругов бытия» (Н. А. Бердяев), т.е. существо космогеобиопсихосоциорациоуховное. Посредством своей деятельности *Homo* «вписывается» в бытие как его образ и подобие – *Das sein* (здесь бытие). Гуманитарная культура, будучи «моментом» этой деятельности, нацелена на производство надприродного, ценностно-рационального и духовно-смыслового измерения бытия человека, которое, собственно, и является его «домом». Эта производство имеет два плана (аспекта): социальный и личностный. В социальном аспекте гуманитарная культура предстает как внутренне дифференцированное единство образующих ее объективированных модусов (способов существования), единство, которое корректнее было бы именовать социогуманитарной культурой, поскольку отделить в ней «социальное» от «человеческого» можно лишь *in abstracto*. К таким ее модусам, на наш взгляд, можно отнести: 1) культуру предметно-символическую в ее институционально-функциональной репрезентации; 2) повседневную культуру; 3) культуру духовно-символическую и гуманистику (гуманитаристику); 4) языковую картину мира. Личностный же аспект гуманитарной культуры «сопряжен» непосредственно с экзистенцией и проявляет, обнаруживает себя в степени развития сущностных сил человека, т.е. его тела, психики, ума, воли, чувств, социального и эмоционального интеллекта, воображения, способностей, потребностей, коммуникативных навыков и т.д., и опредмечивается в пространстве его социальных интеракций.

Объективированные модусы гуманитарной культуры. Предметно-символическое бытие гуманитарной культуры является неотъемлемой частью рукотворного мира людей. Историко-культурная ценность дворцов, храмов, соборов, замков, театров, концертных залов, выставочных галерей, музеев, филармоний, библиотек, монументов, стел, скульптур, памятников, триумфальных арок, художественных школ и академий, университетов, спортивных сооружений и т.д. неотделима в том числе и от их гуманитарного и гуманистического потенциала. Будучи сами по себе воплощениями и хранителями не только «застывшего во времени духа эпох», но и бесценных символических артефактов, эти творения человеческого гения и мастерства, каждое по-своему, «оживляют» прошлое, ретранслируют его в наше настоящее и, укореняясь в душах современников, обеспечивают тем самым связь времен и поколений.

Данный – объективированный – модус гуманитарной культуры можно рассматривать не только с точки зрения ценностно-смысловых аспектов его бытия, но и в аспекте деятельности институтов культуры. Эта деятельность является очень разноплановой и регламентируется нормативными документами государства. Однако это возможно в том случае, если существуют юридические дефиниции культуры, культурной деятельности, культурной ценности, культурного наследия и т.д. Причем нормативное понимание культуры по необходимости должно быть (по возможности) однозначным и императивным. Ибо только в этом случае возможна общая культурная политика государства, институциональная организация сферы культуры, деятельность конкретных учреждений, их финансовая поддержка, управление и контроль (в той или иной, предусмотренной законом, форме). В большинстве стран государственную политику в сфере культуры проводят соответствующие министерства (хотя из названия от страны

к стране могут и варьироваться). В нашей стране этим занимается Министерство культуры. Но даже в тех странах, где нет министерства культуры (например, в США), государство все равно занимается вопросами культуры, регулируя, например, работу музеев посредством Смитсоновского института (государственная структура) или направляя эстетическую деятельность в стране с помощью Национального фонда искусств. Таким образом, повторимся, нормативное (правовое) понимание культуры по необходимости является императивным. Законодатель исходит из тех или иных государственных приоритетов, сформулированных в конституции, идеологии или из существующих традиций, фиксирует и возводит в ранг юридической нормы ту или иную концепцию культуры и вытекающие из нее дефиниции. Приняв правовую форму, они переводятся в плоскость целе- и ценностнорациональных практических действий. Это важно понимать теоретикам культуры. И иметь в виду перспективу подобного выхода на практику их изысканий.

Следующий модус бытия гуманитарной культуры, который объективен по отношению к любому обывателю, – это повседневность с ее обыденным сознанием и здравым смыслом. Этот жизненный мир определяет траектории социализации абсолютного большинства людей и их человеческий (гуманитарный) профиль. Вот как эту истину выразил С. Моэм в романе «Лезвие бритвы»: «Ведь ни один человек не существует сам по себе. Люди – это и страна, где они родились, и ферма или городская квартира, где они учились ходить, и игры, в которые они играли детьми, и сплетни, которые им довелось подслушать, и еда, которой их кормили, школа, где их обучали, спорт, которым они увлекались, поэты, которых читали, и Бог, в которого верили. Все это и сделало их такими, как они есть, и все это нельзя усвоить понаслышке, а можно постичь, только если сам это пережил. Если это часть тебя самого» [2, с. 287].

Культура повседневности синкретична и формируется по большей части спонтанно. Ее подосновой всегда была традиция (в широком смысле этого слова). «Встраиваясь» в нее, индивид усваивал и социокультурные координаты межличностных интеракций. В доиндустриальном обществе ее ядром была религия (вначале поли-, а затем монотеистическая) и связанные с нею обряды, ритуалы, культы, табу, нормы, заповеди, праздники и в целом образ жизни. В своей совокупности они формировали паттерны самовосприятия и самовыражения личности. Гуманитарная культура (в отчетливой форме) обнаруживала себя в житейской мудрости человека с вытекающим из нее гуманным отношением к жизни, другим людям и к самому себе. В отечественной литературе примером такого мудрого, по сути, стоического, отношения ко всем выпадавшим на его долю ударом судьбы может быть жизненный путь рыбака Павла – главного героя романа Э. Ожешко «Хам».

В индустриальном обществе центр жизни сместился в город. Традиционный «жизненный мир» с его системой человеческих отношений исчез. Ему на смену пришла иная повседневность. Она стала определяться достижениями научно-технического прогресса, настроениями и инстинктами восставших масс, социально-политическими идеологемами и техносциентистскими утопиями (либеральными, социалистическими, националистическими, технократическими). Некоторые из них легли в основу масштабных социальных экспериментов. Человек (особенно в условиях тоталитарных режимов) стал объектом целенаправленного влияния и манипулирования со стороны государства. Основными агентами этого процесса были система образования, СМИ, пропаганда, идеологизированное искусство. В «открытых обществах» (К. Поппер) эти функции реализовывались более изощренно, в том числе посредством потребительской идеологии, рекламы и массовой культуры. Общим итогом эпохи индустриализма (в интересующем нас плане) стала отчужденность человека от традиционных систем ценностей, разубверенность в классических идеалах, кризис гуманистического мировоззрения. Культура перестала быть цельной, превратившись в мозаику различных (нередко противоречивых), никак не связанных между собой, образований (А. Моль). Их носителями, живущими в одном мегаполисе, оказались представители разных рас, наций, диаспор, религий, конфессий, социальных страт, профессиональных групп, меньшинств, маргиналов и т. д. И, кажется, единственной «территорией», на которой большинство из них могло «сойтись», стала массовая культура с присущей ей общностью быта, развлечений и источников информации. В «век толп» (С. Московичи) концерты, шоу, спортивные состязания, моллы,

средства *mass media* и т.п. превратились в универсальные ресурсы удовлетворения потребностей масс во времяпровождении, развлечении, получении удовольствия и информации. Однако насколько этот тип культурного бытия «способствуют духовному совершенствованию личности и общему прогрессу»? (А. Швейцер). Наш ответ будет – скорее не способствует, хотя этот феномен весьма разнороден и, так сказать, «разноценен», массовая культура, по сути, лишь микширует «блеск нищеты» индустриального общества, атомизацию бытия и отчуждение человека от природы, Бога, традиции и собственной экзистенции.

С утверждением информационно-компьютерной цивилизации ситуация с культивированием «человеческого в человеке» во многом становится еще более драматичной. Повседневность дополняется (замещается?) цифровой реальностью. Виртуальный мир – это зона комфорта, безопасности, пусть иллюзорной, но свободы, развлечений и удовольствия, получения разнообразной информации. Возвращаясь в реальный мир, в мир людей, индивид попадает в мир несвободы, запретов и ограничений, цифрового контроля, репрессивного бытия и назойливой пропаганды. Приспособление, включая карьеру, возможно через конформизм, а самоутверждение проблематично. Его классические формы – любовь, семья, творчество, религия, отшельничество, бунт, пафос (греч. *πάθος* – страсть, чувство) первопроходцев и искателей приключений – утратили прежний романтический ореол и притягательность. В тренде – терроризм, «восстание маргиналов», гедонизм, брачные контракты, безотчетная вера во всемогущество научных технологий и «эмиграция» в *Internet*. Свободный выбор в мире людей сопряжен с ответственностью и возможными неблагоприятными последствиями. Актер и политик, *self-made man* А. Шварценеггер, исходя из своего жизненного опыта, утверждал, что 95 % людей в мире нуждаются в том, чтобы кто-то говорил им, что делать и как себя вести. Всемирная паутина – идеальный инструмент для такого рода подсказок, «навязчивого сервиса» и манипуляций сознанием пользователей Сети. Будучи симулякром реальной жизни, – взглянем на проблему шире – она, опутывая сознание человека, кардинальным образом меняет его повседневные психоментальные паттерны и поведение. Одна из причин этого кроется в нарушении естественного процесса социализации, сенсорной и социальной депривации индивидов. Это научно установленный медицинский факт. Реальный опыт повседневных взаимодействий, включая конфликты и самостоятельный поиск способов их урегулирования, замещается «опытом» психоделической псевдоактивности в Сети. Следствием является деформация выработки у детей, а затем и *teenagers*, адекватной самооценки, воли к действию и проявлению конструктивной инициативы. Подобный «крен» бытия личности чреват непредсказуемыми синергетическими эффектами и в социальном плане.

Однако информационно-компьютерная цивилизация открывает и иные перспективы. *Internet* распаивает окно в мир цифровой реальности с ее бесконечным ресурсом и возможностями для саморазвития и самовоспитания личности. Сегодняшняя повседневность для индивида становится многомерной и виртуально доступной во всем ее многообразии. При наличии соответствующих потребностей и воли индивид имеет беспрецедентную возможность для самостоятельного формирования собственного гуманитарного профиля. Вопрос только в том, кто, где и когда должен задать ему координаты Пути. Семья? Школа? «Сетевые друзья»? «Звезды»? «Большой Брат»? Церковь? Корпорация? «Отечества отцы, которых мы должны почтить за образцы»? Наконец, искусственный интеллект? В эпоху цвишенизма (т.е. деконструкции классических систем ценностей, с одной стороны, и футурошока – с другой) вопрос самоопределения человека является одним из насущных в повестке дня для современных идеологов (в широком, исходном значении слова) и практиков («ловцов человеческих душ») – политиков, педагогов, воспитателей, проповедников, блогеров и др.

Еще один формат объективного бытия гуманитарной культуры – это мир высокой (элитарной) духовной культуры и ее отрефлексированных форм. Речь об искусстве, мифологии, философии, теологии, идеологии и широком спектре научно-теоретических дисциплин, традиционно именуемых (социо)гуманитарными. Их объект – человек, история, культура и дух. Метафизическое предназначение высокой гуманитарной культуры – «производство» ценностей, смыслов, норм и идеалов социального бытия, рефлексия над универсалиями

культуры и интерпретация социокультурных феноменов. Здесь же содержатся ответы на экзистенциальные запросы человека, формируются теоретические формы мировоззрения общества, представления об «идеальном» типе человеке и способах его культурации. Кроме того, генерируются новые идеи и универсалии, направления, каноны и стили, символы веры и ереси, системы ценностей, утопии и антиутопии, социальные нормы и нравственные кодексы. Изобретательства в сфере гуманитарной культуры (конкретизируем сказанное) – языки, тексты священных писаний, эпические поэмы, монотеистические религии и такие их модификации, как суфизм и протестантизм, системы письменности, правовые кодексы, философские и этические учения, формы правления и технологии управления, институты и способы образования, библиотеки, спорт, многожанровое искусство, стили в архитектуре, новоевропейский социально-политический проект, правовое государство, концепция прав и свобод человека, десятки гуманитарных наук, новые методы познания, медитация и т.д. – постоянно открывали новые горизонты истории и понимания человека, определяли направления и смысл его деяний. Гуманитарное творчество, будучи сферой самореализации конкретных индивидов (известных и анонимных), объективно способствовало формированию интеллектуальной и духовной элиты общества, закладывало основы соответствующих традиций в культурах разных народов. «Тексты» творцов социогуманитарных ценностей, явленные в образах, символах, идеях, теориях, нормах, практиках, произведениях и артефактах, взятые в единстве, представляют собой то «зеркало», смотрясь в которое, люди разных эпох узнают себя, видят свое лицо (Ж. П. Сартр).

Высокая гуманитарная культура придает черты уникальности и неповторимости бытию народов и цивилизаций. В этом, к слову, кроется еще одно из ее фундаментальных отличий от культуры «негуманитарной», т.е. (скажем обобщенно) техноциентистской. Последняя опирается на интеллект как высшую инстанцию познания, понимания и преобразования действительности. Однако «не стоит обожествлять интеллект. У него могучие мускулы, но нет лица», как утверждал А. Эйнштейн. Позволим себе добавить: и души. Гуманитарная культура, продолжим метафору великого физика, одушевляет «мир интеллекта» и наделяет его чертами индивидуальности. Эта индивидуализация, подчеркнем этот факт, самым непосредственным образом связана и с таким фундаментальным свойством головного мозга человека, как функциональная асимметрия его полушарий. Асимметрия сформировалась эволюционным путем. Левое и правое полушария ответственны за проявления разных способностей человеческой природы. Правополушарные индивиды естественным образом тяготеют к миру чувств, образов, форм и звуков. Левополушарные – к абстрактным интеллектуальным занятиям. В зависимости от исторических и социокультурных условий жизни общества, свойства асимметрии по-разному обнаруживают себя в культурном творчестве различных народов. Сбережение и приумножение культурного многообразия человечества, гуманитарной культуры любого этноса важно, таким образом, и в плане сохранения *humanitas* – человеческой природы как таковой.

Неотъемлемой частью культуры любого социума является его языковая картина мира (ЯКМ), а в ней – ее человеческое измерение. Данный термин (*sprachliches Weltbild*) в 30-х гг. XX в. ввел в науку Л. Вайсгербер. Однако первым мысль об особом – языковом – аспекте культуры высказал В. фон Гумбольдт. Еще в начале XIX в. он сформулировал идеи, ставшие программными для последующего развития философии языка и языкознания: «Языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [3, с. 217]. «Мышление не просто зависит от языка вообще, а до известной степени оно обусловлено также каждым отдельным языком» [3, с. 317]. В последующие времена эти идеи получили свое развитие в философии, в частности философской герменевтике и науке (лингвистике). Согласно Г. Гадамеру, «на языке основано и в нем выражается то, что для человека вообще есть мир. Для человека мир есть “тут” в качестве мира; ни для какого другого живущего в мире существа мир не обладает подобным тут-бытием. Однако это тут-бытие мира есть бытие языка... Не только мир является миром лишь постольку, поскольку он получает языковое выражение – но подлинное бытие языка в том только и состоит, что в нем выражается мир»

[4, с. 512, 513]. Благодаря именно языку возможны понимание и коммуникации людей друг с другом, внутренний диалог и сам процесс мышления.

Действительность предстает для человека сквозь призму таких ее языковых репрезентаций, как: а) естественный язык, живое наречие, опосредствующее весь спектр потребностей повседневного бытия людей, и б) письменные знаково-символические системы. В них фиксируется многогранный специализированный опыт познания, понимания и преобразования человеком мира и преображения себя. Будучи «материей» мыслей и чувств, язык объективирует, дифференцирует и классифицирует их содержание. Но не только в качестве внешней «оболочки» мыслительного процесса, но и как его внутренняя форма. Эта форма (структура языка) во многом специфицирует особенности мышления как отдельного индивида, так и этноса. Более того, язык несет мощные императивные мировоззренческие и поведенческие установки. Идея «внутренней формы» языка в XX в. получила развитие в концепции лингвистической относительности Сепира–Уорфа (*Sapir–Whorf hypothesis*), согласно которой структура языка определяет мышление и способ познания реальности. Хотя в настоящее время данная гипотеза в ее радикальной формулировке оспаривается многими лингвистами, в ней есть рациональное зерно. Оно заключается в том, как свидетельствуют сравнительно-лингвистические исследования современных авторов, что язык, несомненно, оказывает влияние на познавательную деятельность и поведенческую активность его носителей. Особенно заметным это влияние оказывается в детстве. Но не только. На интуитивной вере в то, что язык способен сам по себе создавать «нужную» реальность в головах людей, основана и практика «контроля за языком» тоталитарных режимов прошлого и настоящего. Дж. Оруэлл в знаменитой антиутопии «1984» подробно излагает особенности созданного для подобных целей «новояза» (*newspeak*). Сегодня Интернет и компьютерно-виртуальная реальность рождают современный *newspeak* со специфическим тезаурусом, строй которого во многом определяет не только речь, но и стиль мышления пользователей Сети. Однако взаимообусловленность мышления и языка отнюдь не является линейной. Ибо, как верно отмечает В. П. Даниленко, наряду с языковым (вербальным) существует и другие – неязыковые – способы познания: образный, деятельностно-практический, интуитивный, медитативный и т.п. Кроме того, существует эффект диффузного взаимовлияния культур и языков [5].

ЯКМ – это форма специфического «языкового мировидения». Она формируется разными способами (спонтанно и осознанно, на собственной лексической основе и посредством заимствований) и субъектами (обществом, институтами, группами, отдельными индивидами и т.д.). Наряду с общеупотребительной лексикой, особое место в ней занимают такие лексические пласты, как фразеологизмы, пословицы, поговорки, диалектизм, сленг, мифологемы, метафоры, коннотативные смыслы, слова, которым нет аналогов в других языках (к таковым, например, относятся такие русские слова, как тоска, надрыв, авось, удаль, воля, неприкаянный, задушевность, совестно, неудобно и др.) В белорусском языке есть множество слов (утульны, любасны, сваяк, каханне, родны кут, жэўжык, ростані, знічка і інш.), которые нельзя перевести даже на русский, не потеряв при этом их неповторимый этнический «аромат». В этой связи правомерно говорить о национальных языковых картинах мира. «Национальный язык, – как пишет О. А. Корнилов, – это как раз то «стекло», через которое этнос видит единый инвариант бытия и которое определяет конкретные черты национально-специфической проекции этого инварианта бытия» [6, с. 345]. Эту же мысль в метафорической форме передает и китайская пословица: «На каждой горе свои песни».

Возвращаясь к общему понятию «языковая картина мира» (хотя далеко не все авторы полагают корректным его использование в таком статусе), акцентируем его гетерогенность, внутреннее разнообразие. «Языковое мировидение» представляет собой систему разноплановых, но внутренне взаимосвязанных между собой языковых подсистем. К ним относятся: наивная ЯКМ, этническая ЯКМ, религиозная ЯКМ, научная ЯКМ, ЯКМ конкретного индивида и др. В каждой из них, в свою очередь, можно выделить более частные подструктуры (например, этническая ЯКМ дифференцируется на такие лексические пласты, как фразеологический, сленговый, профессиональный, межпоколенный и т.п.). Все эти дифференциации, конечно, существуют лишь *in abstracto*. В реальности же есть континуум единой ЯКМ. В этом

континууме оправдано выделение и антропологической языковой картины. Ее гуманитарное (и гуманистическое) измерение связано со способностью языка репрезентировать бытие человека и собственно «человеческое» в нем в каждом конкретно-историческом типе социума по-своему. Интерес к данному компоненту ЯКМ становится все более актуальным и в языкознании. Г. А. Багаутдинова, в частности, отмечает: «Отечественная и зарубежная лингвистика в последние десятилетия сменила вектор, парадигму развития, поставив в центр внимания человека, творящего язык и творимого языком. Иначе говоря, объявила новый – антропоцентрический – подход к изучению языка» [7, с. 4]. Эта смена связана с исчерпанием эвристических возможностей анализа языка в рамках структуралистской парадигмы. Содержательный анализ антропологических языковых картин мира разных народов позволяет глубже понять их психологию и ментальные установки, образы «Я» и «Другого», коммуникативные паттерны, мотивацию действий и механизмы этнической идентификации. Разновекторные интегративные тренды современного мира содействует процессу мультипликации человеческих контактов. Закономерным итогом является формирование би- (и поли)лингвизма. В настоящее время свыше половины населения земного шара говорит на двух и более языках. Владение несколькими языками, как свидетельствуют специальные исследования, позитивно влияет не только на когнитивные способности личности, но и структурирование вещества мозга, его нейропластику. Тем самым интенсифицируется взаимодействие обоих полушарий и расширяются функциональные возможности коры головного мозга. В социальном плане, как подчеркивает М. А. Можейко, свободное общение на нескольких языках расширяет диапазон моделей поведения и возможностей самовыражения личности [8, с. 214–216]. И, продолжим мысль автора, делает диалог культур более понимающим, что особенно важно в нынешней ситуации политического, социального и культурного цвишенизма.

Гуманитарные науки и гуманитарное образование. В социокультурном пространстве высокой гуманитарной культуры важное место принадлежит гуманитарным наукам. Именно они репрезентируют гуманитарную культуру в образовательном процессе в виде «социально-гуманитарного блока». Укажем на некоторые специфицирующие их моменты. Однако прежде отметим, что становление и дисциплинарная организация гуманистики шла в русле общей тенденции дифференциации научного знания и формирования соответствующих предметных областей. Современный кластер (социо)гуманитарных наук имеет свою институциональную организацию и бюрократию.

Проблематика, статус и методы познания гуманитарных наук стали целенаправленно изучаться со второй половины XIX в. Они исследовались, прежде всего, в философии, таких ее направлениях, как философия жизни, неокантианство, феноменология, экзистенциализм, структурализм и философская герменевтика. Предметом гуманитарного познания в самом общем плане являются творения человеческого духа. Отсюда, кстати, характерное для немецкой традиции наименование гуманитарных наук – «науки о духе». Однако по большому счету творением человеческого духа является вся культура, включая материальную культуру, технологии, искусство и другие формы общественного сознания, язык, социальные институты, и т.д. Выше об этом уже шла речь. И любая из ее [культуры] репрезентаций может быть предметом интереса ученого-гуманитария. Но под определенным углом восприятия, а именно: как система специфических «текстов» и знаков. М. М. Бахтин писал: «Текст – первичная данность [реальность] и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины... Текст ожидает понимания» [9, с. 292]. Однако «текст» – не самоцель. За ним нужно видеть «выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собой и потому неисчерпаемо в своем смысле и значении» [9, с. 410].

Понять – значит привести к присутствию нечто потаенное (используем терминологию М. Хайдеггера), сокрытое. При этом исследователя будут интересовать не объективные характеристики и причинно-следственные отношения изучаемых явлений (как это имеет место быть в естествознании или технических науках), а отношения знака к обозначаемому. Иными словами, отношения символические и смысловые. Сами по себе «тексты» могут

иметь субстанционально различную природу. Постичь заложенные в них людьми разных культур и эпох смыслы – одна из первостепенных задач гуманитарного познания.

Человек укореняется в мире посредством актуализации всего спектра своих сущностных сил – ума, интеллекта, языка, чувств, воли, бессознательного, предрассудков, веры, потребностей, амбиций, воображения, интуиции, медитации, видений, откровений и т.д. Самыми разнообразными способами и в бесконечном множестве манифестаций они опредмечиваются в жизненном мире людей. Гуманитарное измерение имманентно присутствует в их объективированных формах и, «излучая» *humanitas*, адресуется человеку как личности. Гуманитарные науки фокусируют это «излучение», анализируют и раскрывают его специфически человеческое содержание. Постигая его, конкретный индивид (учащийся) делается сопричастным истории и культуре, обретает способность к рефлексии и конструктивному внутреннему диалогу, задается мировоззренческими проблемами, включая вопрос о смысле собственного существования. Возможно, находит нужные для себя ответы. В конечном счете в этом – формировании и развитии «внутреннего человека» (ап. Павел) – и заключается важнейшее практическое предназначение наук о духе и гуманитарного образования.

Причем существенно в этом плане следующее. «В гуманитарной науке субъект познания – это не один «логический субъект», а много разных, по сути выражающих те или иные культурные традиции и позиции. Отсюда одной из важных особенностей гуманитарного познания (науки) является множественность точек зрения на один и тот же материал, множество разных интерпретаций текстов и фактов, представленных в культуре. Многообразие культуры (явлений культуры) и подходов к ней человека обуславливает и множество несовпадающих теоретических объяснений, имеющих место в гуманитарной науке, а также диалогический характер ее знаний и суждений» [10]. Из данной концептуальной реплики вытекают важные, на наш взгляд, следствия для практики образовательно-педагогического процесса. Если кратко, то их смысл состоит в необходимости переосмыслении самой стратегии преподавания социогуманитарных дисциплин. В ее основе должна лежать идея «понимающего» обучения. Обучая, просвещая и воспитывая, педагог имеет дело не просто с «логическим субъектом» учебы, а с носителем всего спектра сущностных сил человеком. Потому знаниевая установка должна быть дополнена плюралистической, аксиологической и диалогической методологией обучения и воспитания, а также праксеологической компонентой. Ибо «важно не только то, о чем гуманитарное знание, – справедливо подчеркивает В. М. Розин, – но и то... освобождает ли автор (учитель, преподаватель. – В. М.) место для нашей жизни, развития, роста, помогает ли он всему этому» [11].

Известный российский философ и культуролог М. Н. Эпштейн, размышляя над комплексом современных проблем гуманистики и гуманитарного образования, дает скорее негативный ответ на вопрошание В. М. Розина. «Не потому ли общество XXI века отворачивается от гуманитарных наук, – пишет он, – что в XX веке, особенно в его второй половине, они сами отвернулись от своего предмета – человека, переключившись на изучение текстов, впав в интеллектуальный аутизм и утратив интерес к людям как существам духовным. Гуманитарные науки все меньше концентрируются на саморефлексии и самотрансформации человека, утратили способность вести за собой человечество <...> Это отступление гуманитарных наук с переднего края истории и общества, утрата реформаторского посыла оборачивается потерями не только для гуманитарных факультетов... но становится потерей и для человечества, которое утрачивает смысл своего бытия в истории, культуре, технике, в процессах коммуникации» [12, с. 19]. Сходным образом на положение вещей смотрит и американский профессор английской словесности из университета штата Огайо Ф. Донахью: «...Во всех университетах центр тяжести сдвинулся так далеко от гуманитарных наук, что самым уместным ответом на вопрос «Выживут ли гуманитарные науки в XXI веке?», будет не «да» или «нет», но «Кого это волнует»?... Университетские курсы периодически обновляются, и гуманистике просто не остается места в учебных планах XXI века» [13].

Возможно, приведенные оценки звучат несколько алармистски. Хотя общий посыл представляется верным. Действительно, цель гуманистики – содействие развитию самосознания и самотрансформации человека, его росту в «горизонте личности» (В. Библер). Естественные

науки преобразуют природу посредством техники и технологий. Социальные науки (экономика, демография, социология, право, политология, этнология) оказывают влияние на общественную жизнь через разработку и последующую реализацию (соответствующими социальными институтами) различных программ социального развития. Что касается гуманитарных наук, то они, как полагают некоторые авторы, в настоящее время пребывают в процессе поиска и разработки методов своего практического воздействия на культуру и человека.

Тем не менее основанное на них гуманитарное образование и сегодня демонстрирует свой эвристический потенциал, в том числе и для успешной профессиональной деятельности в сферах бизнеса и политики. «Одной только технологии недостаточно – этот постулат записан в генах компании Apple, – говорил Стив Джобс во время своей последней презентации нового iPhone. – Наша технология повенчана со свободными искусствами, с гуманитарными науками, отсюда и результат, который побуждает петь наши сердца» [14]. По словам М. Цукерберга, «Фейсбук – это психология и социология в той же мере, что и технология» [15]. 60 % руководителей американских компаний (из 652 опрошенных в 2015 г.) имели гуманитарные дипломы. В Великобритании из 650 членов парламента 65 % получили образование в области гуманитарных и социальных наук и только 10 % – естественных [16, с. 222]. В 2019 г. исследование LinkedIn, посвященное наиболее востребованным профессиональным навыкам, показало, что, например, британские работодатели ищут в кандидатах: креативность, умение вести диалог, способность к сотрудничеству. Более половины работодателей заявили, что персоналу не хватает навыков командной работы, почти каждый второй недоволен тем, что сотрудникам не хватает эмоционального интеллекта. Возможно, поэтому, как показывает отчет Британской академии 2020 г., выпускники со степенью в области гуманитарных и социальных наук, получают работу чаще, чем STEM-выпускники в восьми из десяти наиболее быстрорастущих секторов экономики. Работодатели ценят их «эластичный» ум, критическое мышление, коммуникативные навыки и междисциплинарные знания, поэтому выпускники гуманитарных специальностей работают в самых разных областях [17]. Во всем мире набирают популярность различные психологические, ментальные, телесные и духовные практики личностного роста и индивидуального совершенствования. Ведущие японские университеты (Токийский и Киотский) в ответ на предложение министерства изменить программы обучения в пользу естественнонаучной и технической подготовки студентов и кардинально сократить подготовку специалистов-гуманитариев, напротив, пошли по пути увеличения часов на социогуманитарные курсы [18]. Во многих европейских и американских университетах создаются и успешно функционируют генеративные центры по разработке гуманитарных технологий и новых подходов к исследованию проблем социоантропологической динамики. Растет интерес общественности к авторским веб-программам и циклам лекций философов, культурологов, искусствоведов, историков, лингвистов. В Республике Беларусь социально-гуманитарная компонента в программах обучения в вузах является обязательной. Ситуация, таким образом, отнюдь не катастрофическая.

Вместе с тем, проблема существует, и она является общепризнанной. В августе 2017 г. в Льеже (Бельгия) состоялась Всемирная гуманитарная конференция, организованная в сотрудничестве с ЮНЕСКО. Один из ее участников, Р. К. Кошта (R. C. Costa), основной посыл данной конференции сформулировал следующим образом: «Гуманитарные науки были в центре как общественных дебатов, так и политической жизни вплоть до Второй мировой войны. В последние годы их роль уменьшалась, и они были маргинализированы. Крайне важно остановить процесс их маргинализации, восстановить и обеспечить их присутствие в общественной сфере, а также в научной политике университетов» [19, с. 29].

Среди причин маргинализации гуманистики можно выделить внешние и внутренние. К первым (мы бы их назвали ближайшими) Р. К. Кошта относит следующие:

- сокращение финансирования научных исследований и преподавания;
- уменьшение их удельного веса внутри университета за счет ликвидации курсов и даже кафедр;
- недооценка человеческих ресурсов (меньше предложений о работе, падение заработной платы, перегруженный график работы, старение персонала, отсутствие возможностей для молодежи);

- сокращение библиотечных ресурсов и тому подобное;
- использование методов оценки, типичных для естественнонаучной деятельности, и не адаптированных к специфике гуманитарных наук; косвенным образом это приводит к необходимости изменения коммуникативных практик, характерных для этих наук, и ослаблению их социального воздействия;
- минимизация некоторых областей гуманитарных наук до такой степени, что они рискуют исчезнуть [19, с. 30, 31].

Что касается внутренних причин, то они, еще раз акцентируем позицию М. Н. Эпштейна, сводятся к тому, что гуманитарные науки «изучают человека и все области культурной деятельности, но при этом сами остаются пассивными, поскольку у них нет своих технологий. Они изучают творчество, но сами ничего не творят» [16, с. 221]. Исходя из собственных исследований и практического опыта, ученый предлагает план, по-своему интересный и содержательный, реформирования гуманитарных наук, способных создавать свои технологии и играть активную роль в сотворении будущего. Отдавая должное его энтузиазму, нужно все же заметить, что положение вещей в гуманитаристике отнюдь не сводится только к акцентируемой им автаркии гуманитарного познания. Гуманистика – не остров. Ее проблемы (так или иначе) связаны с кризисным состоянием мировоззрения эпохи постмодерна, ситуацией бифуркации, в котором пребывает современная цивилизация, современным каскадом социоантропологических дилемм, вызовами со стороны новейших технологий и искусственного интеллекта. Конкретизируя сказанное, назовем лишь некоторые из вопросов, требующих настоящего философского и конкретно-научного осмысления. Среди них: 1) исторические судьбы новоевропейского социального проекта: что и почему «пошло не так»; 2) критика критики постмодернистской деконструкции мировоззренческих оснований западной культуры (свобода, истина, добро, справедливость, красота, гуманизм, богоподобие человека, индивидуализм); 3) ценностно-смысловые императивы Нового Просвещения в условиях формирующейся цифровой цивилизации, конвергенции наук и технологий; 4) постнеклассический антропологический проект и перспективы гуманизма; 5) незападные социоантропологические концепции будущего; 6) коллизии, пределы и рубежи естественного и искусственного в человеке; 7) негуманитарные версии эволюции (пост)человека; 8) горизонты эпохи антропоцена и др. Все эти аспекты и «моменты» современного социокультурного опыта цивилизации должны находить свое отражение и в программах социально-гуманитарных курсов образовательного процесса.

Особенности бытия гуманитарной культуры в условиях футурошока. Объективно идущие сегодня социокультурные и антропологические процессы интерферируют с набирающим силу процессом цифровизации человеческого бытия и сознания. Виртуализация и технологические вызовы «человеческому в человеке» и всему тому, что всегда было неразрывно связано с ним (языку, гуманитарной культуре, религии, морали, семье, сексу, гендеру и т.д.) ведут к трансформации (и деформации) исторически сложившихся систем ценностей, способов понимания и репрезентации себя и мира, своего места в нем и предназначения. Процессы рационализации, бюрократизации, стандартизации, информатизации, компьютеризации, цифровизации, деперсонификации и т.д. объективно содействуют нарастанию отчуждения и самоотчуждения человека. Соответственно, культура, строящаяся на сциентистских, техницистских, «дигиталистских» и прочих NBIC основаниях, *volens-nolens* также отчуждается от человека и создает негуманитарный образ себя. В этом русле набирает размах постгуманистический тренд отказа от антропоцентрической парадигмы и моделей познания. И в пандан технократическим установкам «сегодня в гуманитаристике – по крайней мере, на интеллектуальных фронтах – речь ведется о поиске и обнаружении (некоего нового) материального опыта, уже не сопряженного с фактором субъективного присутствия и выведенного из поля субъективного восприятия. Подобные гуманитарные построения подчас могут быть слишком умозрительными, абстрактными, эскизными, но именно они сейчас вызывают живейший, интенсивный отклик и в профессиональном научно-академическом сообществе, и в артистических кругах, и в более масштабной публичной сфере» [20, с. 255] Такого рода крен гуманитаристики несет в себе опасность.

Опасность поощрения деструктивных интенций, такого преодоления «*Homo*» себя, в результате которого он должен зачем-то «дебиологизироваться» и переступить тем самым через самую фундаментальную потребность всего живого, – потребность в самосохранении и продолжении вида. В медийном пространстве подобная перспектива популяризируется всеми возможными средствами, включая мультики и блокбастеры. Общество, и прежде всего его интеллектуальная и гуманитарная элита, должны быть нацелены на осознанный, конструктивный поиск жизнеутверждающих ответов на вызовы времени. И вести этот поиск необходимо в пределах человеческих мерок бытия. В будущее (если не считать его predetermined) ведут многие дороги. Выбор – за человеком Разумным.

Суть нынешних проблем гуманистики отнюдь не в недостатке технологий, как полагают некоторые авторы, а скорее в отсутствии идей. Оглянемся назад. Первая половина XX в. «*Prime time*» «фельетонной эпохи» (Г. Гессе). В сложнейшей социально-политической атмосфере того времени, уже набравших силу процессах государственно-политического терроризма и духовной деградации буржуазного мира, мы тем не менее обнаруживаем всплеск, каскад инноваций, шедевров и творческих изобретательств в гуманитарной культуре по всему фронту – литературе, поэзии, живописи, музыке, философии, кинематографе, гуманитарных науках. «Игра в бисер» – лишь частная иллюстрация. И безо всяких особых гуманитарных технологий творения «властителей дум» делались достоянием миллионов. И более того – пододвигали людей к масштабным социальным действиям и принуждали власти к проведению реформ. Воистину, идеи, если они овладевают сознанием масс, превращаются в материальную силу, способную изменять мир (К. Маркс). Таким образом, вера, воодушевление и энтузиазм масс – это и есть тот «механизм», который переводит идеи в плоскость практических действий. На индивидуальном же уровне это сформированные в процессах социализации личности ее ценностно-смысловые и поведенческие установки. Однако этот механизм может быть задействован и «силами зла». Идеи и идеалы, взращенные в тоталитарных средах, а затем переведенные в плоскость практических действий, несут неисчислимые бедствия бездумно принявших и уверовавших в них массам. История современности (XX – начало XXI в.) полна свидетельств подобного рода. Духовно пустой «демократический» постиндустриальный мир пробавляется ремейками, репликами, подражаниями, повторами, тиражированием «фельетонов» и сенсаций, самозабвенно генерирует фейки, забавляется новейшими девайсами и технологическими эффектами, живет упованиями на «изобретательства» искусственного интеллекта (ИИ). Его (постиндустриального мира) «недемократическая» ипостась», кроме перечисленного, делает ставку, как всегда, на премудрость ниспосланных провидением вождей, председателей, президентов, «однополярную» пропаганду, единомыслие масс и репрессивное право.

Уяснить суть перемен в эпоху цвишенизма, оглядываясь только назад, невозможно. Необходимо видение будущего, точнее, человека в будущем. Его образы конструируются сегодня по разным лекалам, на любые вкусы и запросы [21, с. 104–106]. Но прежде нужно было расчистить для него почву и подготовить территорию под новое строительство. Старательнее других эту работу проделали постмодернисты, вдохновляясь сомнением Мефистофеля: «Я дух, всегда привыкший отрицать. / И с основаньем: ничего не надо. / Нет в мире вещи, стоящей пощады, / Творенье не годится никуда» [22, с. 37]. На пустошь пришли творцы очередного «прекрасного нового мира» (О. Хаксли) из лабораторий нейронаук и разработчиков искусственного интеллекта. В том числе с претензией на авторитетность суждений в сферах, выходящих за пределы их компетенций. Это типично для «фельетонной эпохи», когда об экономике судят артисты, о философии – журналисты, о высоком искусстве – потребители масскульта, о науке – обыватели, политике – спортсмены и т.д.

Футурологический дискурс должен быть одним из важнейших направлений современной гуманистики. В настоящее время одним из перспективных направлений подобного дискурса является трансгуманизм. Благодаря работам таких авторов, как Н. Бостром, Дж. Санулеску, А. Сандберг, М. Н. Эпштейн и др., гуманистические идеалы классического гуманизма Возрождения и Просвещения снова становятся востребованными. «Гуманистическую идею о том, что человек есть свободный творец самого себя, современные трансгуманисты

делают своим знаменем» [23, с. 36]. Однако сегодня это происходит в рамках иной, демифологизированной парадигмы понимания единства природы и человека, а также природы самого человека. Технонауки и науки о человеке, в принципе, едины в понимании пришествия нового этапа эволюции человеческого рода. Однако если adeпты НБИКС-технологий связывают ее с возможностями точечного (пока) улучшения человеческой телесности (от экзоскелета и искусственных интерфейсов до микроимплантов и редактирования генома), то представители гуманитарной культуры – с поиском способов раскрытия внутренних ресурсов *humanitas*.

Логика научного познания и сам предмет – *Homo sapiens* – ставит на повестку дня разработку новой методологической основы для конвергенции доселе противоречивых культур. Первостепенная роль в этом плане принадлежит философии. Будучи теоретической формой мировоззрения, она призвана, «забегая» за горизонт настоящего, обосновывать (или, напротив, подвергать критике) методологические основания и образы человека, на которые могли бы ориентироваться (или избегать их) науки, социальные институты и мыслящие индивиды, особенно те, на которых лежит ответственность за принятие решений. С другой стороны (по принципу обратной связи), развитие и достижения конкретных наук (и иных форм социокультурной практики) должно лежать в основе обновления и пересмотра философских концепций и образов человека. В этом плане, к слову сказать, философию можно рассматривать и как «мост» между гуманитарной и техносциентистской культурами.

Движение в данном направлении (конвергенции) предполагает пересмотр традиционного предмета и способов гуманитарного познания. Нужны сдвиг от «текстов» прошлого к современной жизни, фиксация на самосознании и «самостроительстве» (ап. Павел) личности в условиях столь стремительно изменяющегося мира. Самая подвижная и изменчивая сущность в этом потоке – история и культура. За ней стоит человеческая креативность. Вот почему, по логике вещей, гуманистика должна быть открыта инновационным идеям и практикам не в меньшей мере, чем естественные и технические науки. Сведение же понимания предназначения гуманитарных наук к работе с «текстами» прошлого ограничивает их творческий потенциал и практическое значение. Нужна перемена парадигмы. Погружение в жизнь, внимание к настоящему и открытость будущему – таковыми видятся пути трансформации гуманистики и, соответственно, способов генерации новых текстов. В конце концов «текстами» являются и сменяющие один другого математические образы Вселенной. В них постоянно вносятся «правки», а время от времени они и вовсе «переписываются» заново. Нынешние фантазии (математические модели) физиков-теоретиков о Вселенной, ее прошлом и будущем – это, по сути, современные эквиваленты текстов древних космогонических мифов. ДНК, геном – тоже «тексты», которые генетики как-то уже «читают», а при случае могут и «подредактировать». Как и «карту» человеческого мозга. Этим, собственно, «точные» науки и занимаются. Поэтому их вполне можно рассматривать и как своеобразные методики по работе с текстами. И попутно: человековедческие проблемы в настоящее время также все чаще становятся предметом интереса нейронауки, ученых микробиологов, генетиков, физиков, информатиков, когнитивных психологов, специалистов в области искусственного интеллекта и роботостроения (книги Р. Пенроуза, Ф. Типлера, П. Дэвиса, Дж. Бэрроу, К. В. Анохина и др.). Памятуя о «профессиональном кретинизме» (К. Маркс) увлекающихся авторитетов, нельзя впадать в крайности нигилизма. Неосведомленность, тем более игнорирование их идей и концепций в области разработки и осмысления когнитивных, психологических, нравственных, философских и даже теологических проблем объективно ведет к маргинализации гуманистики. Дилемма поэтому такая: «Либо гуманистика превратится в архивистику, работу по собиранию и интерпретации старых текстов и будет отеснена на периферию техноцентричного века... Либо она выйдет на передний край трансформации мира, поскольку все тайны и возможности техно- и социоэволюции заключены в человеке, в его мозге и разуме» [12, с. 19].

Разумеется, в одночасье подобный «фазовый переход» случиться не может. Для начала нужно определиться с «точками роста». В сущности, они даны, очевидны. Это индивидуальный и коллективный опыт энтузиастов, стартапы, неформальные творческие объединения единомышленников, разноплановые дискуссии, широкая география контактов ученых-

гуманитариев, конкурирующие методики и программы, возможности оперативного тестирования изобретательств, материальное стимулирование и т.д. Принципиальное значение имеет позиция и социальный статус духовных элит, их авторитет и роль в общественной жизни. Нужны также кооперации как внутри «соцгумблока», так и всего комплекса социогуманитарных наук и далее – активные интеракции с субъектами иных форм гуманитарной культуры. Принципиально важно устанавливать и развивать междисциплинарные связи гуманитаристики с другими областями научного знания, внося тем самым свой вклад в формирование единой «теории всего». И целенаправленно использовать неисчерпаемые ресурсы Интернета в процессах гуманитарного просвещения и образования.

Но есть и препятствия. В виде, например, железобетонного каркаса бюрократии, нормативных предписаний, идеологических ограничений, десятилетиями действующих программ обучения и воспитания, засилья кланов, авторитетов и администраций. А еще кружат головы успехи и достижения НТП и почти наркотическая от них зависимость. Необходимыми предпосылками перемен на поле нашей гуманитарной культуры являются правовое государство и гражданское общество. Эти институты обеспечивают право человека на свободомыслие, свободный поиск и практические действия. И наоборот. При их отсутствии любые несанкционированные мысли и действия чреваты неблагоприятными последствиями для творцов новых идей и ценностей. То есть для тех, кому дано улавливать «вибрации» и «блики» грядущего. Но, как всегда бывало в истории, рядом с ними суетятся, часто преуспевая, фабриканты нового шума, оглупляя и зомбируя массы. Человек – существо суперадаптивное и конформное. Он может существовать в любой языковой и знаково-символической среде, в том числе самой «токсичной», свыкнуться с ней и принять ее в качестве само собой разумеющейся реальности. Отличить зерна от плевел можно лишь в атмосфере свободного дискурса, критики идолов и сомнений в существующих идеалах. Подобную интеллектуальную площадку может предоставить мыслящей общественности лишь демократия. И хотя, по эмоциональной оценке У. Черчилля, это худший из способов правления, однако остальные – еще хуже. Наконец, *last but not least*: культура существует посредством языка. Язык – основной инструмент социализации человека, формирования его личности и развития сознания. Его можно рассматривать как своего рода операционную систему со своим кодом. В настоящее время ChatGPT «взломал» его и тем самым получил прямой доступ к человеческому сознанию. Посредством языка, его экспрессии боты и оракулы способны устанавливать «понимающие», «интимные» отношения с пользователями Сети. Тем самым ИИ *de facto* не физически, механически, (как представлялось создателям «Терминатора» или «Матрицы»), а посредством манипуляций сознанием людей обретает способность влиять на их мировоззрение, потребности и поведение. Возможности больших языковых систем по продуцированию новых, созданных не человеком, языковых картин мира (от школярских текстов до «искусственных» мифов, религиозных учений, а в перспективе и научных теорий) растут в геометрической прогрессии. «Закон ускоряющейся отдачи» Р. Курцвейла [24] предполагает экспоненциальный рост «способностей» и возможностей ИИ уже в ближайшем будущем. «Суперинтеллект» (следующая за «сильной» версией ступень развития ИИ) может взять верх над человеческой культурой и начать творить собственную. Вполне вероятный исход – технологическая сингулярность, возникновение реальной, неподконтрольной человеку ноосферы. Дж. Хинтон, («крестный отец» ИИ), как и многие столпы IT-индустрии (Б. Гейтс, С. Возняк, И. Маск и др.) допускают перспективу выхода нейросети из-под контроля людей, а это, по их мнению, может повлечь за собой непредсказуемые, в том числе неблагоприятные последствия как для конкретных индивидов, так и для человеческой цивилизации в целом [6]. В ситуации цифрового футурошока перспективы гуманитарной культуры и «человеческого в человеке» приобретают остроту гамлетовского выбора. Как *Homo sapiens* должен обустроивать свое бытие на формирующейся «новой Земле» и под «новым Небом» – вот подлинный основной вопрос современной философии и гуманитарного познания.

Заключение. В завершение сделаем некоторые обобщающие выводы. Гуманитарная культура – это культура, обращенная к человеку; она центрирована на культивировании «человеческого в человеке» и «антропоморфизации» его жизненного пространства. Ее глубинная интенция заключается в производстве надприродного, ценностно-рационального

и духовно-смыслового измерения бытия человека. Это производство имеет два плана (аспекта): социальный и личностный. В социальном аспекте гуманитарная культура предстает как внутренне дифференцированное единство образующих ее объективированных модусов (способов существования): 1) культура предметно-символическая в ее институционально-функциональной репрезентации; 2) повседневная культура; 3) культура духовно-символическая и гуманистика (гуманитаристика); 4) языковая картина мира. Личностный аспект гуманитарной культуры «сопряжен» непосредственно с экзистенцией и проявляет себя в степени развитии сущностных сил индивида, т.е. его тела, психики, ума, воли, чувств, социального и эмоционального интеллекта, воображения, способностей, потребностей, коммуникативных навыков и т.д., и опредмечивается в пространстве его социальных интеракций. Объективно идущие сегодня социокультурные и антропологические процессы интерферируют с набирающим силу трендом цифровизации человеческого бытия и сознания. Система образования является той «призмой», в которой сходится, специфическим образом преломляясь, весь спектр лучей культуры. Одновременно она же является и «фильтром», который какие-то из них («лучей») пропускает, а какие-то блокирует. В ситуации цифрового футурошока принципиальное значение для сохранения *humanitas* имеет «гуманитарное смещение» в диапазоне данного спектра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стёпин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Стёпин. – Минск : Беларуская навука, 2021. – 539 с.
2. Моэм, С. Узорный покров. Острые бритвы : романы / С. Моэм ; пер. с англ. ; предисл. В. Скороденко. – М. : Радуга, 1991. – 430 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. ; общ. ред. Г. В. Рамишвили ; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звезгинцева. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
4. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер ; пер. с нем. ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 699 с.
5. Даниленко, В. П. Языковая картина мира в гипотезе Сепира–Уорфа [Электронный ресурс] // Персональный сайт профессора Валерия Петровича Даниленко. – 2002. – Режим доступа : <http://slovo.isu.ru/danilenko/articles/sepirkart.htm>. – Дата доступа : 13.12.2023.
6. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2013. – 349 с.
7. Багаутдинова, Г. А. Человек во фразеологии русского и английского языков : словарь фразеологических единиц русского и английского языков о человеке : в 3 ч. / Г. А. Багаутдинова. – Казань : КГУ, 2005. – Ч. 1. Познавательная деятельность человека. – 36 с.
8. Можейко, М. А. Билингвизм и когнитивная проекция: язык и процедуры code switch / М. А. Можейко // Философские исследования : сб. науч. тр. / редкол.: Т. И. Адуло (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2022. – Вып. 9. – С. 204–219.
9. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин ; прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 444с.
10. Шальгина, И. В. Гуманитарные перспективы педагогики и результаты исследований лаборатории дидактики ИТДиП РАО [Электронный ресурс] / И. В. Шальгина // Региональный центр дистанционного обучения. – 2024. – Режим доступа : <https://rcde.ru/method/915.html>. – Дата доступа : 26.03.2024.
11. Розин, В. М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация [Электронный ресурс] / В. М. Розин // Гуманитарный портал. – 2002–2024. Режим доступа : <https://gtmarket.ru/library/basis/6429/6437>. – Дата доступа : 10.09.2023.
12. Эпштейн, М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. – М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с.
13. Donoghue, F. Can the humanities survive the 21st century? [Electronic resource] / F. Donoghue // The Chronicle of Higher Education. – 2024. – Mode of access : <https://www.chronicle.com/article/can-the-humanities-survive-the-21st-century>. – Date of access : 23.11.2023.
14. Carmody, T. Without Jobs as CEO, Who speaks for the Arts at Apple? [Electronic resource] / T. Carmody // Wired. – 2024. – Mode of access : <http://www.wired.com/2011/08/apple-liberal-arts>. – Date of access : 23.11.2023.
15. Chase, L. Mark Zuckerberg Speaks at BYU [Electronic resource] / L. Chase // Desert News. – 2024. – Mode of access : <https://www.deseret.com/2011/3/25/20181280/mark-zuckerberg-speaks-at-byu-calls-facebook-as-much-psychology-and-sociology-as-it-is-technology>. – Date of access : 11.01.2024.
16. Эпштейн, М. Н. О гуманитарном изобретательстве / М. Н. Эпштейн // Новое литературное обозрение (НЛО). – 2016. – № 2 (138). – С. 220–245.
17. Гуманитарное образование в Европе [Электронный ресурс] // Alterra Education. – Mode of access : <https://allterra.ru/articles/188507>. – Date of access : 14.04.2024.

18. Japanese government asks universities to close social sciences and humanities faculties [Electronic resource] // ICEF Monitor. – 2024. – Mode of access : <https://monitor.icef.com/2015/09/Japanese-government-asks-universities-to-close-social-sciences-and-humanities-faculties>. – Date of access : 17.11.2023.

19. Costa, R. C. The place of the humanities in today’s knowledge society / R. C. Costa // Palgrave Communications. – 2019. – Vol. 5. – Art. 38, 5 p.

20. Гольинко-Вольфсон, Д. Н. Гуманитарное знание как (бес)полезное ископаемое / Д. Гольинко-Вольфсон // Новое литературное обозрение (НЛО). – 2016. – № 2 (138). – С. 246–256.

21. Миськевич, В. И. Ценностно-смысловые аспекты постнеклассического антропологического проекта / В. И. Миськевич // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. – 2023. – Т. 15, № 3. – С.97–108.

22. Гёте, И. В. Фауст / И. В. Гёте ; пер. с нем. Б. Пастернака. – М. : АСТ, 2019. – 432 с.

23. Тихонова, С. В. Трансгуманизм, наука и псевдонаука: в поисках неомодерна / С. В. Тихонова // Вопросы философии. – 2021. – № 10. – С. 29–39.

24. Kurzweil, R. The singularity is near: when humans transcend biology [Electronic resource] / R. Kurzweil // Universidad Católica Andrés Bello. – Mode of access : <https://paisdospuntocero.wordpress.com/wp-content/uploads/2018/04/book-kurzweil-singularity-is-near-1.pdf>. – Date of access : 17.03.2024.

25. Крестный отец ИИ: Заменит ли цифровой интеллект биологический? : Лекция Джеффри Хинтона в Оксфорде [Электронный ресурс] // YouTube. – Режим доступа : <https://www.youtube.com/watch?v=QF9hDdvEnY>. – Дата доступа : 02.04.2024.

Поступила в редакцию 17.06.2024.

“Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science”

Vol. 16, No. 3, 2024, pp. 106–123

© Yanka Kupala State University of Grodno, 2024

Humanities culture and humanities education in a changing world

V. Miskevich

Belarusian State University of Informatics and Electronics (Belarus)

P. Brovki St.6, 220013, Minsk, Belarus; e-mail: uladzimirmis781@gmail.com

Abstract. The article examines current problems of modern culture and socioanthropodynamics. The object of analysis is *humanitas* in the context of modern processes of anthropological, social, technological and mental-spiritual Zwischenism (from German Zwischen – between). The purpose of the study is to explicate and substantiate the importance of humanitarian culture and humanitarian education as constants for the preservation and development of human nature. The scientific novelty of the work lies in the introduction into scientific use of the concept of “objectified modes of humanitarian culture,” their classification and interpretation. The introduction argues for the relevance of the formulated research topic and articulates the substantive meaning of the basic categories of the article’s problems. The main part of the work examines the objectified modes of humanitarian culture, their historical dynamics, sociocultural status and functions. The reasons for the crisis of the humanistic worldview, humanities and humanitarian education in the situation of modern sociotechnocultural challenges and digital futureshock are analyzed. The importance of a conscious choice of humanistic perspectives of socioanthropodynamics is substantiated. The conclusion outlines the main results of the study. The theoretical results obtained make it possible to more clearly explicate the problems of theoretical discourse and to attract the attention of researchers to the problems of socio-humanitarian knowledge and education. The main conclusions and provisions of the study can be used in the preparation of scientific publications, development of courses and special courses in social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture and education.

Keywords: humanities, “human in man”, humanitarian culture, humanitarian education, futurology, digital futureshock.

References

1. Stepin V. S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution [*Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaja evoliutsiia*]. Minsk, 2021, 539 p.

2. Maugham S. Patterned cover. The Razor’s Edge [*Uzornyi pokrov. Ostrie britvy : romany*] ; transl. from Eng. ; preface of V. Skorodenko. Moscow, 1991, 430 p.

3. Humboldt W. von. Selected works on linguistics [*Izbrannye trudy po iazykoznaniiu*] ; transl. from Ger. ; ed. by G. V. Ramishvili ; afterword of A. V. Gulyga, V. A. Zvegintsev. Moscow, 2000, 400 p.

4. Gadamer H.-G. Truth and method: Fundamentals of philosophical hermeneutics [*Istina i metod : Osnovy filozofskoi germenoviki*] ; transl. from Ger. ; gen. ed. and foreword of B. N. Bessonov. Moscow, 1988, 699 p.

5. Danilenko V. P. The linguistic picture of the world in the Sapir-Whorf hypothesis [*Iazykovaia kartina mira v gipoteze Sepira-Uorfa*]. *Personal website of Professor Valery Petrovich Danilenko*, 2002 [Electronic resource].
6. Kornilov O. A. Language pictures of the world as derivatives of national mentalities [*Iazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov*]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, 2013, 349 p.
7. Bagautdinova G. A. Man in the phraseology of the Russian and English languages : a dictionary of phraseological units of the Russian and English languages about human [*Chelovek vo frazeologii russkogo i angliiskogo iazykov : slovar 'frazеologicheskikh edinit russkogo i angliiskogo iazykov o cheloveke*] : in 3 parts. Kazan, 2005, part 1. Human cognitive activity [*Poznavatel'naia deiatel'nost' cheloveka*], 36 p.
8. Mozheiko M. A. Bilingualism and cognitive projection: language and code switch procedures [*Bilingvizm i kognitivnaia proektsiia: iazyk i protsedury code switch*]. *Philosophical Research : collect. of scientif. works* ; ed. board: T. I. Adulo (ch. Ed.) [et al.]. Minsk, 2022, issue 9, pp. 204-219.
9. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity [*Estetika slovesnogo tvorchestva*] ; notes of S. S. Averintsev, S. G. Bocharov. 2nd ed. Moscow, 1986, 444 p.
10. Shalygina I. V. Humanitarian perspectives of pedagogy and research results of the didactics laboratory of Institute of Theory and History of Pedagogy of the Russian Academy of Sciences [*Gumanitarnye perspektivy pedagogiki i rezul'taty issledovaniia laboratorii didaktiki ITiP RAO*]. *Regional Center for Distance Learning*, 2024 [Electronic resource].
11. Rozin V. M. Science: origin, development, typology, new conceptualization [*Nauka: proiskhozhdenie, razvitie, tipologiya, novaia kontseptualizatsiia*]. *Humanitarian portal*, 2002-2024 [Electronic resource].
12. Epstein M. N. From knowledge to creativity. How the humanities can change the world [*Ot znaniia - k tvorchestvu. Kak gumanitarnye nauki mogut izmeniat' mir*]. Moscow ; Saint Petersburg, 2016, 480 p.
13. Donoghue F. Can the humanities survive the 21st century? *The Chronicle of Higher Education*, 2024 [Electronic resource].
14. Carmody T. Without Jobs as CEO, Who speaks for the Arts at Apple? *Wired*, 2024 [Electronic resource].
15. Chase L. Mark Zuckerberg Speaks at BYU. *Desert News*, 2024 [Electronic resource].
16. Epshtein M. N. About humanitarian invention [*O gumanitarnom izobretatel'stve*]. *New Literary Observer*, 2016, No. 2 (138), pp. 220-245.
17. Humanities education in Europe. *Alterra Education* [Electronic resource].
18. Japanese government asks universities to close social sciences and humanities faculties. *ICEF Monitor*, 2024 [Electronic resource].
19. Costa R. C. The place of the humanities in today's knowledge society. *Palgrave Communications*, 2019, vol. 5, art. 38, 5 p.
20. Golyenko-Wolfson D. N. Humanitarian knowledge as a (useless) mineral [*Gumanitarnoe znanie kak (bes)poleznoe iskopaemoe*]. *New Literary Observer*, 2016, No. 2 (138), pp. 246-256.
21. Miskevich V. I. Value-semantic aspects of the post-non-classical anthropological project [*Tsennostno-smyslovye aspekty postneklassicheskogo antropologicheskogo proekta*]. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science*, 2023, vol. 15, No. 3, pp. 97-108.
22. Goethe J. V. Faust [*Faust*] ; transl. from Ger. by B. Pasternak. Moscow, 2019, 432 p.
23. Tikhonova S. V. Transhumanism, science and pseudoscience: in search of neomodernity [*Transgumanizm, nauka i psevdonauka: v poiskakh neomoderna*]. *Voprosy filosofii*, 2021, No. 10, pp. 29-39.
24. Kurzweil R. The singularity is near: when humans transcend biology. *Universidad Católica Andrés Bello* [Electronic resource].
25. Godfather of AI: Will digital intelligence replace biological intelligence? : Lecture by Geoffrey Hinton at Oxford [*Krestnyi otets II: Zamenit li tsifrovoi intellekt biologicheskii? : Lektsiia Dzheffri Khintona v Oksforde*]. *YouTube* [Electronic resource].

